

Михайлова-Штерн София Самойловна

Шопен. Картины из жизни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С68

С68 **София Самойловна М.**
Шопен. Картины из жизни / Михайлова-Штерн София Самойловна – М.:
Книга по Требованию, 2026. – 60 с.

ISBN 978-5-519-96928-4

ISBN 978-5-519-96928-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— И лучше мамы? — коварно спросила брата Людвися.

Фричек замедлил ответом. Настаивать, что он будет лучше играть, чем его любимая мама, ему казалось невозможно, но потом он решительно тряхнул головой, смело посмотрел на сестру и ответил:

— Лучше мамы! Я буду играть лучше всех на свете.

Все одобрительно захлопали в ладоши. В дверях появилась высокая красивая женщина в белом воздушном чепце. Она слышала последние слова мальчика, наклонилась над ним, обняла его и воскликнула:

— О, мой дорогой мальчик, конечно, ты будешь играть лучше всех на свете! Но тебе придется раньше много и долго учиться. А теперь, дети, идемте ужинать, отец уже пришел.

Она взяла сына за руку, и все направились в столовую.

— Видишь, Фричек, тебе придется много учиться. Я тебя заранее жалею... — поддразнивал Скродский.

— Я буду много учиться, я ведь не такой ленивый, как ты, и с мадам розгой не знаком, — бойко ответил Фричек.

— Что, Евгений, получил?! Попало тебе! Не приставай другой раз! — смеялись товарищи над Скродским.

2. Семья Шопена.

Все это происходило в 1817 году в квартире Николая Шопена, преподавателя французского языка и литературы в Варшавском лицее.

Лицей помещался в большом, красивом дворце, когда-то принадлежавшем польским королям. Огромное здание окружал густой сад. Вокруг дворца были расположены меньшие здания; в них жили профессора и преподаватели лицея,

занимавшие хорошие, просторные квартиры. ¹ Оплата профессоров была небольшая, и все они поэтому прирабатывали еще, имея так называемые пансионы, т. е. брали на дом к себе приезжих учеников из провинции на полное содержание.

Такой пансион имел и Николай Шопен. У него на дому всегда жило шесть пансионеров-мальчиков. Пансион Николая Шопена славился в Варшаве, как лучший в отношении ухода за учениками и заботы об их учении. Плата по тогдашнему времени была очень высока—четыре тысячи злотых ¹ в течение учебного года за одного ученика, и к Шопенам попадали только деги богатых помещиков.

Николай Шопен был образованный и культурный человек, спокойного и выдержанного характера, прекрасный учитель, любивший свое дело. Предки его много времени тому назад переселились из Польши во Францию, в город Нанси, и там настолько укоренились, что забыли родной язык; осталось только предание о польском происхождении.

В 1787 году молодой Николай Шопен, юноша 17 лет, оставшись сиротой после смерти всех своих родных—отца, матери и братьев,—возвратился в Польшу. В Варшаве он устроился на работу у знакомого француза-фабриканта и стал учиться польскому языку, сам в то же время давая уроки французского и немецкого языков. Он стал известен современем как опытный учитель, и богатая помещица Лончинская пригласила его воспитателем и учителем к своим сыновьям. Шопен согласился и переехал в ее имение Чернеёво, недалеко от Варшавы.

¹ Злотый равнялся пятнадцати копейкам. 4000 злотых составляет 600 руб. По тогдашним временам сумма большая.

Отец и мать Шопена.

Там он пробыл недолго и вскоре переехал к другим помещикам, — графам Скарбек, в их имение Желязова Воля.

У графини Скарбек было три сына, к ним-то она и пригласила учителем Николая Шопена. В Желязовой Воле Шопен прожил восемь лет. Там же он познакомился с дальней родственницей графини Скарбек — Юстиной Крыжановской, которая жила у нее в качестве экономки, и женился на ней.

Юстина Крыжановская была высокая, красивая девушка, спокойного и настойчивого характера, воспитанная и образованная так, как были образованы тогда дочери помещиков. Учили их, главным образом, французскому языку, музыке, танцам, хозяйству; немного истории, литературы и умение красиво и правильно писать на родном языке и по-французски дополняли их образование.

Она и Николай Шопен по общему мнению были подходящей парой друг другу. Графиня Скарбек отвела им в усадьбе, в одном из флигелей для служащих, квартиру, и молодые супруги зажили там, занимаясь в свободное время чтением и музыкой.

Юстина хорошо играла на фортепиано и пела, отличаясь прекрасным голосом. Николай Шопен очень недурно играл на скрипке и флейте.

Год спустя, в 1807 году, у них родилась старшая дочь Людвика, а 22 февраля 1810 года родился второй ребенок, мальчик, названный Фридериком, впоследствии один из величайших музыкантов.

К этому времени сыновья графини Скарбек уже подросли, и пора было отдавать их учиться в учебное заведение. Служба Шопена у графини Скарбек становилась ненужна, надо было искать новое место. Николаю

Шопену хотелось переехать опять в Варшаву, хотелось устроиться преподавателем в Варшавском лицее. Ректор лицея, Линде, был давно знаком с графиней Скарбек, и при ее помощи Николай Шопен получил желанное место преподавателя.

Через полгода после рождения сына, в том же 1810 году, Шопены переехали в Варшаву, и в их вновь открытом пансионе в числе первых шести учеников были два сына графини Скарбек.

В Варшаве у Шопенов вскоре родились одна за другой еще две дочери — Изабелла и Эмилия. В семье было уже четверо детей. Пани Юстина была целиком поглощена домашним хозяйством, заботами о своих детях и шести пансионерах. Кроме того, она сама учила первоначальным основам музыки как пансионеров, так и свою старшую дочь Людвигу. Николай Шопен с помощью жившего у них воспитателя следил за обучением пансионеров и сам занимался с ними.

Ученики любили Шопена и как учителя, и как воспитателя, но потихоньку посмеивались над его произношением польского языка на иностранный лад: он особенно тщательно выговаривал все гласные буквы. Посмеивались они и над его постоянными рассказами и угрозами познать их за непослушание и шалости с „мадам розгой“. В те времена полагали, что без помощи порки не может обойтись ни воспитание, ни обучение детей, а секли обычно розгой. Николай Шопен очень редко прибегал к помощи порки, но иногда и он пользовался розгой.

Первой учительницей маленького Фридерика была, собственно, не мать, а его старшая сестра Людвика. Она была старше его на три года, очень живая и способная девочка. Когда Людвигу начали учить читать и писать,

играть на фортепиано, она стала передавать свои, вновь приобретенные, знания брату. Мальчик быстро и налету схватывал уроки маленькой учительницы, и будучи пяти лет Фридерик вместе с сестрой читал по-французски и по-польски. Французский язык, наравне с польским, был родным языком в семье Николая Шопена.

Но еще более охотно учился Фридерик у сестры музыке, проявляя в этом отношении удивительное терпение и настойчивость. Скоро пятилетний мальчик не только догнал свою способную сестренку, но и далеко опередил ее. Он уже играл почти все, что знала и играла его мать и, при своем удивительном слухе и музыкальной памяти, часто по наслышке играл то, что играли уже взрослые ученики, пансионеры отца и знакомые музыканты.

Удивительные способности мальчика, его стремление к музыке, настойчивость, с которой он часами просиживал за фортепиано, разучивая по нотам или играя по слуху различные пьесы, заставили родителей подумать, что Фридерика надо серьезно учить музыке, что для него надо найти знающего учителя.

Фридерiku было шесть лет, когда его стал основательно учить музыке чех Войцех Живный, друг Николая Шопена, известный в Варшаве учитель музыки.

Живный был постоянным учителем в пансионе Шопена; он учил музыке пансионеров, учил Людвися, стал учить и Фридерика.

Одинокiй, холостой человек, он был ежедневным гостем в семье Шопена. Приходил обедать к ним каждый день и все послеобеденное время, до вечера, а то и позже, проводил у них, если не уходил в театр слушать оперу, или на какой-нибудь концерт.

И все это время, до тех пор, пока Фридерика не уводила мать, чтобы уложить спать, мальчик проводил со своим учителем; их обоих нельзя было оторвать от фортепиано. Если они не занимались, то Фричек играл Живному свои собственные фантазии. Переносить на бумагу нотными знаками то, что он сочинял, Фричек еще не умел, и его выручал Живный. Он переносил на ноты то, что Фричек играл, а затем мальчик уже по нотам играл свои собственные, сочиненные им, вещи.

Часто пани Юстина приходила и насильно прекращала эти занятия, настаивая, чтобы Фричек шел погулять, побегать в саду, так как для ребенка вредно так долго сидеть за инструментом.

Послушный мальчик оставлял фортепиано и шел вместе с Живным в сад лица. Там учитель и ученик вели бесконечные разговоры о музыке.

Живный был человек высокого роста, с огромным фиолетового цвета носом, всилу пристрастия его владельца к вину и нюхательному табаку. Его нос, подбородок, белый галстук, жилет, сюртук и даже высокие венгерские сапоги — все было засыпано табаком. В кармане, кроме огромной табакерки с портретом композитора Моцарта, вмещавшей полфунта табаку, и огромного красного платка в клетку, находился всегда наготове небывалых размеров четырехугольный карандаш, которым Живный имел обыкновение ударять по пальцам или по голове непонятливых или невнимательных учеников. Одному только Фридерiku Шопену никогда не пришлось испытать на себе этот карандаш.

3. Первый концерт.

Прошло два года. Успехи Фридерика в музыке были настолько велики, что о талантливом мальчике-пианисте стало известно во многих домах в Варшаве. Опытные музыканты считали его замечательным ребенком, „который должен заменить Моцарта“.

Друзья Николая Шопена постарались, чтобы первое произведение Фридерика — „Полонез“ — было напечатано. Кроме „Полонеза“ в этом же 1817 году была напечатана и другая композиция Шопена, но уже без упоминания имени автора: „Военный марш“. Этот марш играли с тех пор обычно во время парада.

В светлый, солнечный день 24 февраля 1818 г. в квартире Николая Шопена было большое оживление. В гостиной расхаживали разговаривая Живный и нарядно одетый Николай Шопен, а рядом в столовой стоял на кресле Фридерик. Вокруг него суетились мать и Людвися. Служанки бегали взад и вперед, принося разные вещи. Младшие сестры и трое учеников сидели вокруг, смотрели и перекидывались шутками.

Фридерика одевали в новый бархатный костюм, — сегодня он должен был в первый раз выступить публично на концерте, играть на фортепиано. Все вокруг него суетились и волновались, но сам Фричек был спокоен и вполне уверен в себе. Его очень занимал новый костюм, а главное — большой, красивый кружевной воротник, лежавший на столе.

— Ну, сынок, ты готов, смотри не волнуйся, а выйдешь, поклонись публике, сядь хорошенько, а потом уже принимайся играть, — напутствовала пани Юстина, целуя сына.

— Ах, мамуся, какой воротник у меня красивый, вот наверно все будут смотреть на него. Я не боюсь, я все прекрасно помню. И пан Живный, и пан Эльснер — все говорят, что я хорошо играю.

Пани Юстина была нездорова и не могла быть на концерте. Николай Шопен сам повез сына на концерт. Фридерик играл в этот вечер очень трудную вещь — фортепианный концерт Гировеца.

Успех концерта был необычайный. Кроме своей изумительной игры, маленький пианист был так привлекателен и мил, что общему восторгу не было конца.

Вечером, когда отец и сын уже приехали домой, пани Юстина посадила сына на колени и спрашивала, что же больше всего понравилось публике.

— Мамуся, я говорил тебе, что понравится мой воротник, все на него только и смотрели, — уверял Фричек при общем смехе.

После этого концерта маленький „Шопенек“ стал любимым гостем и баловнем варшавских гостиных. Его постоянно приглашали на вечера, и роскошные коляски польских аристократов часто подъезжали к квартире Шопена за маленьким артистом. На этих вечерах Шопен играл не только чужие произведения, но часто и свои собственные импровизации.

Общее внимание, постоянные похвалы должны были бы, казалось, испортить мальчика, развить в нем большое самомнение, большую самоуверенность. Но под внимательным надзором отца, любящей матери и Живного Фридерик попрежнему оставался тем же послушным ребенком и внимательным учеником.

Однажды Фридерик заметил, что если взять не октаву (8 тонов) как обычно, а 10 тонов, то получается очень

красивое созвучие. Но его рука была слишком мала, не могла охватить столько клавиш. Чтобы придать гибкость пальцам, он стал на ночь привязывать между пальцами деревянные клинья, не обращая внимания на все неудобства и мучения от подобной меры. К счастью, он скоро убедился, что насколько широкие аккорды звучат красиво на фортепиано, настолько механическое растягивание рук ослабляет, а не усиливает их гибкость, и прекратил свои опыты.

Эта маленькая подробность говорит об удивительном терпении и настойчивости мальчика; он готов был идти на какие угодно лишения и неудобства, лишь бы только добиться совершенства в области музыки.

4. Учение Фридерика.

Фридерiku уже минуло восемь лет, надо было подумать о его школьном обучении. Николай Шопен считал, что лучше отдавать детей в общественную школу попозже, не ранее 13—14 лет, а до тех пор дети должны учиться дома. Такой системы он придерживался воспитывая и чужих, и своих детей. Поэтому Фридерик и его сестры учились вместе дома под руководством отца.

Для поступления в 4-й класс Варшавского лицея требовались языки французский, немецкий (оба языка Шопен знал с детства), латынь, история, география, грамматика всех трех языков и родного польского языка, арифметика полностью, часть алгебры и геометрии, умение писать сочинения. Все эти предметы для мальчика, увлеченного музыкой, могли казаться скучными. Но Фридерик учился внимательно и добросовестно. Он отли-